

Материалы Международной славистической конференции «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии»

С 26 по 28 ноября 2013 года кафедра славянской филологии провела посвященную 70-летию ее открытия Международную славистическую конференцию «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии». В конференции приняли участие более 160 славистов из России, ближнего и дальнего зарубежья (Армении, Белоруссии, Украины, Австрии, Болгарии, Венгрии, Италии, Латвии, Македонии, Польши, Сербии, Словакии, Словении, Чехии). На конференции был рассмотрен широкий круг проблем научного и методического характера. На торжественном открытии присутствовали представители ряда посольств славянских стран (Чрезвычайный и Полномочный посол Сербии в РФ Славенко Терзич, Первый секретарь Посольства Республики Болгарии в Российской Федерации Василка Кехайова и представитель посольства Хорватии в РФ – Кармен Флоршиц). От имени факультета с приветственным словом к собравшимся обратилась декан филологического факультета проф. М.Л. Ремнёва. На пленарном заседании было заслушано 4 доклада: Н.Е. Ананьевой (Москва) «Кафедра славянской филологии в 2003–2013 гг.», А.Г. Машковой (Москва) «Итоги работы литературоведческой секции кафедры славянской филологии филологического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова в 2003–2013 гг.», Б. Косановича (Нови-Сад) «Тема самозванства у А.С. Пушкина и П.П. Негоша», Ж.Ж. Варбот (Москва) «Опыт историко-этимологического исследования лексико-семантических полей в семинаре по этимологии».

Заседания проходили в 12-ти лингвистических и 4-х литературоведческих секциях. Среди лингвистических проблем предметом обсуждения стали: история языка славянских памятников, проблема славянской диалектологии в синхронии и диахронии, актуальные аспекты грамматики, лексикологии, лексикографии и фразеологии славянских языков, исследования языковых контактов славян с другими славянами и иными народами, когнитивные модели славянского языкового сознания и социолингвистика, теория и практика преподавания славянских языков в иноязычной среде, история славянской филологии, проблемы корпусной лингвистики, язык СМИ и Интернета, теория и практика перевода с инославянских языков на русский и с русского на другие языки, этимология и ономастика славянских языков. Литературоведческие секции были посвящены следующим проблемам: вымыслу в славянских литературах, истории славянских литератур с древнего периода по конец XIX в., актуальным проблемам славянских литератур XX–XXI вв., а также специально по словацкой литературе, выделенной в отдельную секцию ввиду большого числа специалистов по данной проблематике среди участников конференции.

Как отмечали участники конференции, уровень представленных докладов и организации симпозиума был высоким. Выступления сопровождались оживленными дискуссиями, в которых принимали участие как маститые ученые, так и молодые исследователи, включая аспирантов. В конференции приняли участие

не только зарубежные и российские гости из университетских и академических центров, но и представители многих кафедр филологического факультета (кафедры русского языка, общего и сравнительно-исторического языкознания, германской и кельтской филологии, теоретической и прикладной лингвистики и др.). К конференции был выпущен сборник материалов, состоящий из 202-х тезисов. Кроме того, некоторые докладчики выступали без предварительной публикации тезисов.

Редколлегия журнала «Stephanos» начинает публикацию материалов конференции «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии» и предлагает вниманию читателей первые три статьи из планируемой серии.

В.Ф. Васильева

К проблеме конверсии и грамматической полифункциональности языковых единиц

Аннотация: В статье излагается понимание частеречной конверсии и проводится различие между явлением конверсии и грамматическим синкретизмом. Обозначенные аспекты рассматриваются на материале современного русского языка. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что явление грамматической полифункциональности в русском языке более частотно по сравнению с собственно частеречной конверсией.

Ключевые слова: конверсия, грамматический синкретизм, полифункциональность языковых единиц, асимметричный дуализм, языковое мышление, транспозиция, синтаксическая деривация

Abstract: The article deals with the understanding of parts of speech conversion and distinguishes the phenomenon of conversion and grammatical syncretism. The material for investigation is contemporary russian language. The author came to the conclusion that the phenomenon of grammatical polyfunctionality is more frequency in russian language vs. speech convergence as such.

Key words: conversion, grammatical syncretism, polyfunctionality of linguistic units, asymmetric dualism, linguistic thinking, transposition, syntactic derivation

Обозначенная проблема на сегодняшний день не имеет однозначного решения, и вопрос о конверсии как о процессе «взаимоперехода частей речи» остается основным философским вопросом языка и теории познания, ибо

касается проблемы соотношения языка с реальным миром, мышлением и сознанием [Кривоносов 2001: 116]. Нельзя не заметить, что само определение конверсии как «перехода частей речи» весьма условное. Дело в том, что каждая часть речи стабильна, она имеет постоянный набор лексических и грамматических средств. Сама часть речи как языковая данность никуда переходить не может. «Переходит» не часть речи, а конкретная языковая единица или, возможно, определенный разряд языковых единиц, «переходят» также грамматические формы. В результате «перехода» языковая единица зачисляется только в одну часть речи, следовательно, частеречная модификация, по сути дела, исключается. Вопрос же состоит в следующем: что является предпосылкой для выполнения языковой единицей функций, традиционно относимых к разным частям речи? «Переход» не может быть произвольным. Каждый его случай имеет свои закономерности, в его основе лежит некая общность признаков, манифестируемых языковыми единицами, относящимися к разным грамматическим классам слов. Это то, что можно было бы определить как «взаимопроницаемость класса слов» [Кривоносов 2001: 576 и сл.]. Взаимопроницаемость класса слов проявляется в том, что одни и те же синтаксические функции могут выполнять языковые единицы, относящиеся к разным частям речи. Так, «имя существительное нередко выполняет те же синтаксические функции, что и наречие, и прилагательное» [Виноградов 1972: 47]. Общность признаков слов, относящихся к разным частям речи, обеспечивает их взаимодействие, или «перекрещивание», объясняет природу транспозиции. Общность признаков некоторых частей речи в отдельных случаях настолько очевидна, что позволяет исследователям говорить о частеречной «гибридности». Так, В.В. Виноградов определял как гибридную наречно-глагольную категорию деепричастия. Он отмечал тесную грамматическую связь наречий с другими частями речи, «колебание формы между функциями имени существительного и наречия», близость наречий к именам прилагательным [Виноградов 1972: 274 и сл.]. На основе перекрещивания признаков на всех языковых уровнях А.Т. Кривоносов выстроил систему грамматических классов слов в немецком языке [Кривоносов 2001: 576–688].

В результате взаимопроницаемости классов слов создается некий общий смысловой сегмент, своеобразная зона соприкосновения разных классов слов. Для одних языковых единиц, образующих этот сегмент, выражаемое ими значение может быть категориальным, ядерным значением, определяющим их частеречную принадлежность, например, значение предметности, действия, качества и т. п. Для других – значение некатегориальное, вторичное, периферийное. Иначе говоря, взаимопроницаемость класса слов не означает категориальной частеречной равноправности значений, образующих «сегмент смыслового соприкосновения» разных частей речи. Ср., например (оставляя в стороне стилистические различия), категориальные значения глагола и наречия, с одной стороны, и некатегориальные значения междометия и существительного, с другой, при реализации одной и той же

синтаксической функции предиката: *А он плюхнулся в воду. – А он плюх в воду; Она очень хочет. – Она страсть как хочет.*

Представляется важным четко обозначить границы между действительным переходом языкового знака в другую часть речи и его полифункциональностью, когда сохраняется инвариант семантического значения. В случае перехода языковой единицы в другую часть речи, образуются слова или формы-омонимы. В случае полифункциональности **перехода** языковой единицы **в другую часть речи не происходит**. Речь в данном случае может идти о категориальном и некатегориальном значении языковой единицы, подобно транспозиции грамматических категорий. Еще раз отметим, что понятие конверсии мы ограничиваем исключительно теми случаями, когда «телесная оболочка» транспонируемой языковой единицы не претерпевает структурных изменений. Все способы аффиксального словообразования в понятие конверсии нами не включаются. За пределами конверсии остаются известные случаи «опредмечивания» значения действия и качества»: *бегать* > *бег*, *свежий* > *свежесть*, определяемые некоторыми исследователями как «деривационная транспозиция» [Dokulil 1982: 258].

Весьма непросто оказывается решение вопроса о том, может ли изначально в языковом знаке содержаться отношение омонимии. Известно, например, что в аналитических языках, в частности в английском, один и тот же языковой знак может заключать в себе, при отсутствии дополнительных языковых средств, как значение субстанции, так и признака субстанции. Ср. известные случаи: *house* – 1. *дом*, 2. *жить (дома)*; *dress* – 1. *платье*, 2. *одеваться*; *play* – 1. *игра*, 2. *играть*; *love* – 1. *любовь*, 2. *любить*. Вопрос о том, какая часть речи в данном случае оказывается примарной, на сегодняшний день остается открытым. Возможно, аналитические языки допускают изначально наличие в одном и том же языковом знаке скрытых потенций типа я – не я, т. е. существование в одной словесной оболочке нескольких категориальных частеречных значений. Высказанное предположение поддерживает и концепция, согласно которой в языковом сознании человека существует «тело лексемы», которое там же в сознании уже маркировано определенными синтаксическими способами их употребления как разных частей речи. И на уровне «оречевленного мышления» обнаруживается двойная частеречная функциональность одного и того же тела лексемы [Кривоносов 2001: 212]. Сказанное означает, что если эта двойная функциональность, изначально заложенная в языковом знаке, в категориальном отношении равноправна, то сам номинативный языковой знак можно охарактеризовать как морфологически размытый, но это не характерно для языков синтетического типа. Трудно себе представить, чтобы в языках синтетических, в том числе в русском, в одной и той же словесной оболочке **знаменательного слова**, т. е. языкового знака, в понятийном отношении однозначного, были **изначально** заложены омонимичные потенции, например, выражение субстанции и признака субстанции, выражение значения мгновенности и многократности

действия, динамического и статического признаков. Категориальность синтетического языкового знака в каждом случае имеет свои структурные морфологические отличия. Следовательно, компоненты мысли в языках синтетического типа могут быть объединены в одном знаке лишь в том случае, если существует единство их прообразов в реальном мире. Наличие в языковом знаке отношения омонимии в указанном случае нарушало бы тождественность мышления, ибо на уровне синтетического наименования одновременно воспроизводилось бы отношение я – не я. Таким образом, словесная оболочка, или «тело лексемы», «приобретает» омонимичность и действительно переходит в другую часть речи **исключительно в процессе функционирования**, когда лексема транспонируется в иное семантическое пространство. Если **исконный** семантический компонент, выражая новое категориальное значение, упрочивается и в результате регулярного употребления языковой знак видоизменяет свой статус, происходит разрыв языковой единицы с частью речи, обеспечившей ее морфологическую транспозицию. Подтверждением сказанного может служить, в частности, в русском языке адвербиализация ряда падежных форм существительного, в том числе творительного падежа. Изначальная недостаточная субстанциональность творительного падежа служит основанием для его транспозиции в семантическое пространство обстоятельственных значений. Регулярное употребление творительного падежа в этой функции способствует упрочению нового обстоятельственного значения. Изоляция формы творительного падежа существительного со всей очевидностью проявляется в устойчивых словосочетаниях: *битком набиться, получить деньги авансом, даром не нужен, пот катился градом*. Утрачивает связь с парадигмой творительный падеж времени типа *летом, утром, вечером, зимой, ночью*. «Падежные формы здесь использованы не в целях синтаксиса, не для выражения отношения между словами, а в целях лексики» [Исаченко 1965: 100]. Указанные лексемы функционируют в современном языке как самостоятельные слова-наречия, согласно современным орфографическим словарям русского языка. Нельзя не обратить внимания, однако, на то, что они допускают определения прилагательным, а это свидетельствует о сохранении их связи с исконной частью речи. Вероятно, в таком случае правильнее было бы все же признать **синкретизм** указанных лексем. Ср.: *Утром мы пошли за грибами. – Ранним утром мы пошли за грибами. Он вернулся вечером. – Он вернулся поздним вечером*.

Близость значений деепричастий к значениям наречий образа действия [Виноградов 1972: 312] объясняет случаи транспозиции деепричастных форм в соответствующий разряд наречий. Случаи этого типа транспозиции широко известны: *читал лёжа, слушал стоя, говорил не думая*. Значение сказуемости полностью утрачивается в идиомах: *работать спустя рукава; трудиться не покладая рук, бежать высунув язык, бежать сломя голову, сидеть сложа руки, согласиться скрепя сердце* и др. Транспозиция деепричастий реализуется при наличии **определённых морфолого-синтаксиче-**

ских параметров. Модифицируется синтаксическая связь деепричастия с глаголом, возникают новые синтаксические отношения. Сказуемость вытесняется обстоятельственным значением. Деепричастная форма перестает выражать значение второстепенного действия при главном действии – меняется структурная модель предложения. Однако деепричастия, выполняющие функцию обстоятельства, продолжают выполнять и свою примарную функцию – выражать в предложении побочное действие. Таким образом, в случае адвербиализации деепричастий не происходит «перехода», но реализуется морфологическая полифункциональность, иными словами, обнаруживается грамматический синкретизм деепричастия – получают материальное выражение как его ядерные, категориальные, так и, в условиях определенного контекста, периферийные, некатегориальные значения. Высказанное положение синкретичности, или гибридности деепричастных форм, находит поддержку и в том, что далеко не каждая деепричастная форма подвергается адвербиализации. Как отмечал В.В. Виноградов, «яркие оттенки «наречности», т. е. образа действия, затушевывающие, стирающие глагольность... развиваются только при наличии сопутствующих семантических условий, которые нейтрализуют видо-временные и залоговые значения формы деепричастия, ее глагольные свойства» [Виноградов 1972: 313]. Очевидно, что становление и укрепление качественного состояния в деепричастной форме обеспечиваются тесным взаимодействием грамматических и лексических средств. Именно спаянность функционирования двух языковых уровней исключает вопрос о примарности или же секундарности лексической и синтаксической трансформации лексемы.

Дискуссионным на сегодняшний день остается и вопрос взаимоперехода незначительных частей речи и междометия. Этимологические исследования не дают удовлетворительного ответа на вопрос относительно исконности части речи односложных языковых единиц, выполняющих в современном языке функции разных частей речи: *a* – 1. междометие, 2. союз, 3. частица; *и* – 1. союз, 2. частица, 3. междометие; *ну* – 1. междометие, 2. частица; *у* – 1. междометие, 2. предлог; *о* – 1. предлог, 2. междометие; *на* – 1. предлог, 2. междометие и др. Одни исследователи полагают, что в указанных и подобных случаях имел место **переход** языковых единиц из одной части речи в другую, т. е. происходило «функциональное превращение» [Виноградов 1972: 523]. Другие исследователи считают, что никакого «перехода» не происходило, грамматическая полифункциональность маркирована языковым сознанием изначально [Кривоносов 2001: 208–218]. Можно согласиться с тем, что в исходной **незначительной** части речи, не выполняющей функцию наречения, означивания объекта реальной действительности, заложена возможность реализации дополнительной дистрибуции, подобно фонеме. В результате этого в одном и том же языковом знаке могут изначально «сосуществовать» разные части речи [Кривоносов 2001: 729]. Допуская возможность исходного сосуществования нескольких частей речи в морфо-

логически неизменяемой языковой единице, хотя этимологические исследования чаще все же иллюстрируют «частеречный переход» грамматических слов [Etymologický slovník slovanských jazyků 1973, 1980], все же нельзя согласиться с предположением, что полноправный частеречный синкретизм мог быть изначально заложен и в «словесной оболочке» полнозначительных лексем, о чем уже говорилось. Признавая обратное, следовало бы признать и отсутствие однозначной соотнесенности слова с фрагментом реального мира, а тем самым признать тот факт, что номинативная функция полнозначительного слова в языках синтетического типа не была стимулирующим фактором словообразования. Мы полагаем, что случаи перехода языковых единиц из одной части речи в другую, включая и незнаменательные (несамостоятельные) части речи, являются историческим многоступенчатым процессом, связанным с особенностями развития каждого отдельно взятого языка. Это явление в славянском ареале проявляется по-разному. В каждом конкретном случае процесс перехода, или собственно конверсии, имеет свои особенности и имеет разную степень интенсивности. В этой связи представляет интерес межъязыковое сопоставительное исследование как морфологической полифункциональности, так и собственно конверсии. В какой степени «конверсивными» оказываются процессы субстантивации, адъективации, адвербиализации, вербализации в родственных языках? Как при этом проявляется национальная специфика? Это те вопросы, которые ждут ответов как на диахроническом, так и синхроническом уровнях.

Теоретически считается возможным каждую часть речи субстантивировать, каждое наречие и глагол – адъективировать, каждое прилагательное и качественное существительное – вербализовать [Dokulil 1982: 262]. Если понимать обозначенные процессы предельно широко, то, действительно, в результате аффиксальных словообразовательных процессов производные слова, приобретая значение производной части речи, могут выполнить поставленную задачу. Однако в данном случае никакого морфологического перехода или перевода языковой единицы не происходит. Образуется новое слово, которое ни по форме, ни по смысловому содержанию не вступает в отношения полисемии или омонимии с производящим словом. Этот процесс никак не подчиняется закону экономии материальных средств, с которым именно и связаны процессы грамматической полифункциональности и конверсии языковых единиц. Взаимоотношение между частями речи зависит от многих факторов: грамматического потенциала, семантического объема, словообразовательных возможностей и других соотношений. Наибольший контраст проявляется при сопоставлении значения предметности и значения динамического признака, что выражается в глубоких различиях морфологических и синтаксических функций глагола и существительного, выражающих указанные значения. Невозможность совмещения с несовместимым объясняет, как представляется, наибольшую удаленность друг от друга существительного и глагола. Более тесная связь характеризует существитель-

ные и прилагательные. На это, в частности, указывает способность существительных выражать качественные значения, подобно прилагательным. Например: *Погода сегодня прелестная. – Погода сегодня – прелесть. Он добрый человек. – Он добряк.* При этом существительное, выполняя даже функцию сказуемого, по-прежнему, как и прилагательное, остается «неглагольным». Возможность выражения существительным нединамического признака сближает его с прилагательным, создавая условие для образования общего смыслового сегмента.

Способность выражения существительными обстоятельственных значений создает предпосылки для их адвербиализации. Как уже было отмечено, именно некоторая общность значений, выражаемых разными частями речи, создает разные способы и степени проявления близости классов слов, имеющих разную грамматическую природу, о чем и свидетельствуют процессы субстантивации, адъективации, адвербиализации, вербализации. Рассмотрим предельно коротко явление морфологической полифункциональности и собственно конверсии в обозначенных процессах. Еще раз подчеркнем, что типы транспозиции в указанных процессах далеко не всегда знаменуют собой «чистую» конверсию.

Очевидным явлением конверсии оказывается субстантивация прилагательных и причастий. Причем причастие является одной из неличных форм глагола, обнаруживающей склонность к субстантивации. В смысловом отношении субстантивация является семантической конденсацией субстантивного словосочетания, из которого изымается существительное со значением носителя качества или производителя действия. Субъект действия хорошо известен адресату, и его обозначение в языке становится как бы излишним – своего рода плеоназмом. В русском языке, в отличие от некоторых западнославянских языков, в частности чешского и словацкого, явление субстантивации имеет весьма широкое распространение и находит выражение во многих лексико-семантических разрядах. Ср.: *портной мастер > портной, прямая линия > прямая, горничная служанка > горничная, зерновые культуры > зерновые, парнокопытные животные > парнокопытные, трудящиеся массы > трудящиеся, столовая комната > столовая.* Все функции, выполняемые существительным, в данном случае принимают на себя прилагательное или, соответственно, причастие. С морфологической стороны здесь не возникает препятствий, ибо прилагательное, как и причастие, имеет морфологические категории, аналогичные существительным, но различающиеся самостоятельностью (в классе существительных) и несамостоятельностью (в классе прилагательных и разряде причастий как вербоиде адъективного типа). Несамостоятельные морфологические категории в случае субстантивации приобретают статус самостоятельных категорий, что и позволяет им выполнять все функции существительного. В словообразовательном плане субстантивированные языковые единицы являются универбами, результатом безаффиксальной универбации, ибо они выполняют функцию исходного

именного словосочетания. Универбы, наделенные этой функцией, «обязаны» перейти в класс существительных, что свидетельствует о реализации конверсии. Какие факты подтверждают именно конверсию, а не явление грамматической полифункциональности языковых единиц? Очевидно, что морфологические категории прилагательного и причастия утрачивают зависимость от существительного и становятся самостоятельными. Причастие утрачивает глагольные категории времени и вида. Что касается синтаксических свойств, то субституты могут определяться прилагательными, но не сочетаются с наречиями. Утрата прилагательными и причастиями исходных категориальных морфологических и синтаксических признаков сигнализирует появление в языке нового слова, омонимичного своему производящему слову.

На синхронном уровне далеко не всегда удается установить эллиптическое опущение. Трудно сказать, к какому сочетанию восходят, например, субстантивированные прилагательные *запятая, лёгкие, вселенная, леший* [Исаченко 1965: 234]. Субстантивированные прилагательные и причастия, образовавшиеся в результате семантической конденсации на основе словосочетаний, со временем становятся моделью для образования новых имен подобного типа, пополняющих класс имен существительных. Появляются новые имена, миновавшие эллиптическую стадию. Так, по модели мотивированных субстантивированных прилагательных и причастий в современном русском языке образовались целые лексико-семантические разряды существительных: *шашлычная, пельменная, бутербродная, закусочная, пивная, кондитерская, молочная; учёный, управляющий, заведующий, пожарный, лесничий, часовой, рулевой, вахтенный, звеньевой; прохожий, домовый* и другие разряды.

Если суммировать причины, способствующие реализации конверсии в классе прилагательных и разрядах причастий, то очевидно, что ее предпосылками в семантическом плане является способность существительных выражать качественные значения, в морфологическом отношении – наличие в обоих случаях именных категорий. Ярко выраженный морфологический контраст существительных и глагола препятствует субстантивации личных форм глагола. Синтаксические функции существительного способны выполнять формы инфинитива, будучи неличными формами: *Учиться – всегда пригодиться, Плавать полезно для здоровья. Учитесь жить по совести*. Однако это особый случай, связанный с генетикой инфинитивной формы. Выполняя функцию подлежащего или дополнения, инфинитив, разумеется, не переходит в класс существительных.

Существуют сферы соприкосновения существительных и наречий. Взаимопроницаемость этих двух грамматических классов имеет своим конечным результатом адвербиализацию существительных, часто в форме застывших падежных форм, что уже нами отмечалось. Подчеркнем, однако, что процесс взаимопроницаемости существительных и наречий является, по сути своей,

односторонним. Он отличается широким проникновением существительных в семантическое пространство наречий, которые, в свою очередь, по причине морфологической специфики не субстантивируются.

Не переходят в класс существительных и междометия, хотя некоторые междометные лексемы способны при выражении экспрессии выполнять синтаксические функции существительных и даже воспроизводят значение некоторых морфологических категорий имени, как, например, категории числа и падежа. Кроме того, они могут входить в определительную синтагму с согласовательной связью: *Надоели мне твои охи, ахи. Только и слышишь бесконечные ха, ха, ха да хи, хи, хи*. При всем при этом транспонированные междометия не употребляются как самостоятельные существительные, но являются грамматически полифункциональными лексемами, способными к реализации синтаксической деривации.

Адъективация как системное явление соотносится прежде всего с причастиями – адъективными вербоидами. Именно адъективные качества причастия благоприятствуют их окачествлению. Эта тенденция в современном русском языке приобрела широкое распространение, как указывает Академическая грамматика русского языка. В каждом разряде причастий адъективация имеет свою специфику и разную степень «окачествления». Важно обратить внимание на тот факт, что развитие адъективных значений у причастий в большинстве случаев не переводит причастия в класс прилагательных, у них сохраняются глагольные значения. Например: *торгующая организация, изменяемые слова, промокшая одежда, изолированная комната* [Русская грамматика 1, 1980: 666]. Приведенные и подобные случаи свидетельствуют о грамматическом синкретизме. «Гибридность» причастных форм сохраняется. Иначе говоря, причастные формы характеризуются грамматической полифункциональностью. Омонимы, удостоверяющие конверсию, в разряде причастий оказываются нечастыми. Причастные конверсивы и собственно причастия имеют разную синтаксическую дистрибуцию. Ср.: *раненый боец – раненный пулей боец, избитая фраза – избитый бандитами прохожий, организованный человек – митинг, организованный оппозицией*. Исторически в разряд прилагательных перешли причастия старославянского происхождения: *заведомый, необходимый, уважаемый, неумолимый, непоколебимый, невредимый, неумолкаемый* и др. [Исаченко 1960: 551]

Распад глагольности в системе причастий иногда находит отражение в орфографических и акцентологических изменениях. Ср.: *раненый – раненный, приближённый – приближенный*.

Процессы адвербиализации многомерны как в лексическом, так и в грамматическом плане. Условия, способствующие адвербиализации лексических единиц, обнаруживаются в разных частях речи: существительных, прилагательных, глаголах. В каждом случае имеются свои особенности. Тем не менее устанавливаются общие закономерности процесса адвербиализации: наличие общего семантического пространства, ослабление и, возможно, утрата

исконной морфологической категории, наличие в языковом знаке потенциальных смысловых компонентов, способных активно реализовываться в условиях определенного контекста, действие закона экономии языковых средств, связанного с беспредельностью человеческого мышления.

Утратой именного склонения кратких прилагательных объясняется модификация их лексического значения, развитие новых синтаксических отношений и последовавший за этим переход в разряд наречий. В современном русском языке исконно краткие прилагательные, как беспредложные, так и в сочетании с предлогом, образуют весьма обширный пласт современных наречий. Ср.: *высоко, легко, широко; справа, слева, смолоду, сгоряча; добела, досыта; направо, налево, насухо; налегке, навеселе; заново, запросто, задолго, засветло* и многие другие. Не может быть никаких сомнений, что в данном случае имела место грамматическая конверсия.

Не менее широко известны случаи исторической адвербиализации предложных сочетаний существительных: *издали, изнутри; снизу, сбоку, сверху, сзади; напоказ, наспех, наутёк, насмерть; вглубь, вволю, вразмах, вразлад* и т. д. Адвербиализации предложных конструкций в значительной степени способствовала смысловая изоляция отдельных предложных форм, изменение значений предложных конструкций [Виноградов 1972: 306]. Это еще один путь реализации конверсии.

Адвербиализации в процессе развития языка подвергались и беспредложные формы существительных – «окаменелые» формы некоторых падежей. Условием перехода падежной формы существительного в класс наречий являлась недостаточная субстанциональность значения падежной формы и ее потенциальная возможность выражения обстоятельственных значений, что в ряде случаев подтверждает функционирование форм творительного падежа ед. числа существительных (см. выше).

Если же сравнивать интенсивность адвербиализации, результатом которой является конверсия, то более частотной она оказывается в классе прилагательных и существительных. Личные формы глагола адвербиализации не подвергаются. Из неличных глагольных форм склонность к адвербиализации характерна только для деепричастия. Однако этот процесс чаще имеет переходный характер. Случаев конверсии в категории деепричастий в целом немного, о чем уже было сказано. Есть основания полагать, что «налет наречности» остается потенциально возможным свойством деепричастий. И поскольку он требует строго определенных условий реализации, его можно считать периферийным признаком этой глагольной категории. Процесс адвербиализации разных частей речи и отдельных форм и категорий свидетельствует о наличии общности некоего семантического компонента как необходимого условия транспозиции, коей является и процесс адвербиализации. Наречие активно вбирает в себя транспонируемые языковые единицы разных языковых уровней. Такую активность наречия, как части речи, можно объяснить и ее ярко выраженной синтаксической (обстоятельственной)

функцией. Не случайно, вероятно, именно синтаксическая функция наречия долгое время оказывалась приоритетной при выделении наречия в особый самостоятельный грамматический класс слов. Уязвимость этой концепции, однако, состояла в том, что и другие автосемантические (полнозначительные) части речи способны выполнять обстоятельственную функцию. А это путь к семантической взаимопроницаемости, что и подтверждают разнообразные типы адвербиализации. Потенциальные свойства самих наречий к транспозиции в другие грамматические классы реализуются в рамках синсемантических (неполнозначительных) частей речи: частиц, союзов, предлогов. Особо можно выделить транспозицию наречий в разряд модальных слов. Однако в большей своей части транспонированные формы имеют переходный характер, возможно, на пути к конверсии. Полифункциональность наречных форм часто отмечается в словарях: *кругом* (1. наречие, 2. предлог), *сверху* (1. наречие, 2. предлог), *сзади* (1. наречие, 2. предлог), *ещё* (1. наречие, 2. частица), *только (что)* (1. наречие, 2. союзная частица) и многие другие.

Синтаксическая вербализация лексических единиц не имеет отношения к конверсии. Она демонстрирует перекрещиваемость частей речи на синтаксическом уровне, т. е. реализуется синтаксическая деривация. Хорошо известно, что функцию сказуемого, категориальную функцию глагола, способны выполнять разные части речи, часто – и междометие. Сказуемость является вторичной, некатегориальной функцией междометия, однако характерной для разговорного языка. Ее выполняют как исконные, так и производные междометия. Во вторичной функции такие междометия имеют яркую стилистическую окраску. Они употребляются с целью выражения экспрессивности, мгновенности действия: *А он плюх в воду. А тот ему бац по затылку. А она ах да ах!* Однако в указанных и подобных случаях сказуемое не является глагольным. Оно остается «междометным», поскольку не выражает глагольных категорий вида, залога, а категория времени определяется широким контекстом. Междометие может служить производящей основой для образования полноценной глагольной леммы со всеми категориальными признаками путем аффиксальной деривации: *плюхаться, ахать, охать, мяукать* и т. д. Но этот способ словообразования, согласно дефиниции конверсии, остается за ее пределами.

При транспозиции языковой единицы в новую часть речи всегда имеет место напряжение между двумя категориальными значениями. Вопрос заключается в том, насколько способна транспонированная единица оставаться грамматически полифункциональной. В случае «полной победы» категориального значения новой части речи результатом транспозиции оказывается конверсия, что подтверждается развитием омонимичных отношений в пределах формально одной и той же словесной оболочки языковой единицы.

Изложенные языковые данные свидетельствуют о важной роли асимметричного дуализма языкового знака в интерпретации мыслительного содержа-

ния. Он является одним из важных факторов в процессе взаимосвязи логического и семантического (языкового) мышления. В каждом языке асимметричный дуализм имеет свою национальную специфику. В этой связи, в частности, проблема конверсии и грамматической полифункциональности представляет особый интерес для межъязыкового сопоставительного исследования. Специального анализа заслуживает и проблема конверсии в классах неизменяемых частей речи, которая не могла быть во всей целостности рассмотрена в объеме данной работы.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1972.

Грамматика русского языка. Т. 1. М.: Наука, 1980.

Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка. Морфология. Ч. I. Братислава: Изд-во Словацкой Академии наук, 1965.

Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка. Морфология. Ч. II. Братислава: Изд-во Словацкой Академии наук, 1960.

Кривоносов А.Т. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания. Москва; Нью-Йорк: Издательство «ЧеРо», 2001.

Dokulil M. K otázce slovnědruhových převodů a přechodů, zvl.transpozice // Slovo a Slovesnost. 4. XLIII – 1982. Československá Akademie Věd.

Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena, slovanských jazyků, sv. 1–2, ACADEMIA nakladatelství Československé akademie věd. Praha, 1973, 1980.

Сведения об авторе:

Валерия Федоровна Васильева,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Valeria Vasilyeva,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University